

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

25 июня 1903 год – 21 января 1950 год.

*Британский писатель, журналист
и публицист.*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Нет пророка в своем отечестве. Истина эта бесспорна. Но ее можно дополнить: нет пророка и в своем времени.

Таким не то чтобы не услышанным, но яростно критикуемым, а нередко и замалчиваемым современниками пророком был один из крупнейших английских писателей XX века Эрик Артур Блэр, известный ныне всему читающему миру как Джордж Оруэлл.

Утопия и антиутопия — жанры давние. Писатели практикуются в них тысячи лет. Ближайшие примеры — описание ада, чистилища и рая, либо, если взглянуть на предмет с другой стороны, монструозная конструкция «земного рая» Платона. От фантазий о том, что ждет человека после смерти, до мечтаний о желательном устройстве его земной жизни расстояние короткое.

Ни одна из сочиненных людьми утопий¹ не сбылась. Прогнозы всегда строятся на логическом завершении (доведении до абсурда) существующих тенденций. Предсказатели, если воспользоваться терминологией лингвистов, не способны различать «продолженное настоящее» и «завершенное будущее» время.

Но будущее не собирается продлевать настоящее — оно его зачеркивает.

Если ваше сегодня похоже на вчера, значит, будущее здесь еще не наступило. Все дело в том, что разные народы, страны, социальные слои, культурные сообщества, даже отдельные люди, уснув сегодня и проснувшись завтра, оказываются

¹ Эти утопии порой трудно отличить от антиутопий: «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Кампанеллы и «Государство» Платона весьма похожи на описания концлагеря.

в разных завтра. Как сказал американский писатель-фантаст Уильям Гибсон, «будущее уже наступило; просто оно еще неравномерно распределено». И это отнюдь не фигура речи — это так и есть на самом деле.

Ничего не может быть предсказано потому, что предсказывать стоит только непредсказуемое.

И если авторы антиутопий все же чаще попадают в цель, то лишь потому, что предостережение ближе к реальности, чем сладкая греза.

У авиаторов есть такой афоризм: «Все инструкции написаны кровью». Если под инструкциями понимать свод правил, соблюдение которых сводит к минимуму риск трагедии, то антиутопия — это художественная инструкция. Под «кровью» здесь следует понимать горький социальный опыт человечества. Антиутопия описывает не то, что обязательно случится, а то, чего не должно случиться, чего мы не должны допустить.

Автор антиутопии видит опасности потому, что учитывает человеческую природу. (Авторы утопий ее упорно игнорируют.) Почему же к его проницательности, к его предостережениям оказываются столь часто удручающе глухи читатели? Потому что мы живем в детерминированном мире. Нашей жизнью управляют если и не «законы общественного развития», то уж во всяком случае закономерности. Которые берутся из той самой человеческой природы, не меняющейся уже десятки, если не сотни тысяч лет.

Главное, чем мы отличаемся от остальных животных, — это интеллект. Но интеллект и жестокость — близнецы-братья.

Детеныши людей и шимпанзе замечены в том, что не просто любят играть с небольшими животными, — им нравится увечить и раздирать их живьем на части и испытывать при этом истинный восторг. Более примитивные виды в этом не замечены.

Николай Костомаров, Франц Кафка, Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл, Андрей Платонов, Рэй Брэдбери, Уильям Голдинг, братья Стругацкие, Владимир Войнович, Владимир Сорокин рисовали узнаваемое и художественно убедительное общество потому, что понимали и помнили: человек по самой своей природе склонен к мучению ближних и дальних, к развлечению насилием. Почему же в большинстве стран их предсказания не сбылись?

Потому что, какими бы ужасными ни были ГУЛАГ и Аушвиц, за их пределами жизнь никак не могла полностью превратиться в одну большую зону: какая-то степень свободы необходима не только людям, чтобы не сойти с ума, но и государству, чтобы не рухнуть. Могут привести пример КНДР, но ее режим зиждется не столько на тотальных контроле, принуждении и «двоумыслии», сколько на поставках извне стратегического сырья, продовольствия и технологий. Чистой автаркией, по-видимому, была Албания — и она не вынесла собственного модуса поведения. Посмотрите, что творится с Кубой. Только открытая система имеет перспективу, но даже полуконтроль — это уже полусвобода.

Впрочем, есть идеологии, нацеленные на конечную гибель. Академик-математик Игорь Шафаревич определил социализм как «волю к смерти». Но внутренние процессы перерождают даже убежденных самоубийц: их дети, а тем более внуки не готовы, как лемминги, бросаться в пропасть.

Великое пророчество Оруэлла «1984» потому и сохранило и, по-видимому, надолго сохранит свою актуальность, что проблема обуздания темной стороны человеческой природы никогда не будет окончательно решена. Эта опасность неискоренима.

Но ведомый разрушительными инстинктами человек опасен не только для окружающих — он опасен и для себя. То же самое можно сказать о народе. Такой человек, такой

народ не может одержать «окончательную» победу, ибо она означала бы суицид — физический для человека, культурно-исторический для народа...

Готовя эту книгу, мы хотели не просто выбрать из произведений Оруэлла самые характерные, афористичные, глубокие его мысли, во многом актуальные и сегодня, — нам хотелось сделать это из максимально широкого круга источников. Ведь, когда имеешь дело с личностью такого масштаба, одного главного ее произведения всегда недостаточно. Как Лев Толстой — это отнюдь не только «Война и мир», так и Оруэлл — это далеко не только «1984».

Попытавшись охватить «всего» Оруэлла (от «1984» и «Скотного двора» до публицистики, дневников и писем), мы убедились: масштаб этой задачи таков, что втиснуть одного из крупнейших социальных и политических мыслителей и культурологов XX века в прокрустово ложе небольшой книжки — задача нереальная.

Пришлось многим пожертвовать, в значительной степени — самыми объемными и известными его произведениями. Как результат — перед нами не «великий» Оруэлл, а Оруэлл «повседневный», который ничуть не уступает великому, а интересен не меньше. Можно считать эту книгу летописью его жизни и творчества, если угодно — большим интервью, в котором он делится с нами самыми важными своими мыслями, самыми выстраданными убеждениями.

Меньше всего — при всем восхищении автором и протагонистом этой летописи — нам хотелось бы, чтобы она превратилась в слащавый панегирик. Поэтому напоследок скажем об издержках «метода» Оруэлла.

Великим обществоведом и человекознатцем сделали его не только исключительная интуиция, наблюдательность и проницательность, но и — это чрезвычайно важно! — его

уникальная независимость. Кажется, ничто, кроме собственного опыта, не влияло на его выводы. Результат был предсказуем — и печален. Взгляды Оруэлла все больше отдалялись от общепринятых, даже если под «общепринятыми» понимать принятые в узких кругах.

Интеллектуальная честность всегда и везде приводит человека к социальному, политическому и физическому одиночеству — особенно в обществе узаконенного («общепринятого») лицемерия. Это тяжкое испытание для каждого: человек — существо социальное. Приходится выбирать: либо отказываться от своих взглядов, либо, если хватит характера, настаивать на своем, «держаться удар». Оруэлл не мог не выбрать второе — таким он был человеком.

Но всякая медаль имеет две стороны. Давно подмечено: независимость суждений из инструмента приближения к истине со временем может превратиться в самоцель.

Десять раз пойдя «против течения» и оказавшись правым, человек в одиннадцатый раз уже не может не идти против течения, хотя бы оно — в данном случае — и было верным. Имея склонность к неангажированному взгляду на предмет, человек впадает в своего рода высокомерие объективизма. Это особенно резко проявляется у британцев: Джордж Бернард Шоу и Гилберт Кит Честертон тому хорошие примеры. И Оруэлл, критиковавший Шоу за его вымученную эксцентричность, порой сам приближается к ее краю.

Когда какой-то журналист автоматически причислил его к числу «левых, разочаровавшихся в сталинизме», Оруэлл с достоинством ответил: «Я никак не мог разочароваться в нем, потому что я никогда не был им очарован... Скорее можно сказать, что он оказался лучше моих предсказаний пятнадцатилетней давности»¹.

¹ Цит. по: В. Чаликова. Размышления о «Скотном дворе».

Так и хочется переспросить: «Лучше?!»

У каждого великого писателя должны быть свои изъязны. У Льва Толстого, к примеру, это неприязнь к евреям, театральная тяга к опрощению и любовь поучать специалистов своего дела, с комичным апломбом внушая им, что они должны отбросить свои знания и опыт и слушаться его, Толстого.

Проблема Оруэлла была в том, что он никогда не мог, более того — не желал отказаться от своих социалистических пристрастий. Критикуя, даже ненавидя тоталитаризм и сталинизм, он полагал, что социализм все-таки может быть «хорошим».

Не любимый им Д.-Б. Шоу сказал однажды: «Политик — это человек, перед которым пасует жизненный опыт». Можно добавить: опыт всегда пасует перед убеждениями, а особенно — перед предубеждениями.

Не увидев в своей жизни действительных преимуществ социализма перед капитализмом, Оруэлл до самого конца настаивал: социалистическая идея — лучше. Лучше чем? И лучше чего? Курьез в том, что никакой «капиталистической идеи» не существует. Дилемма проста: либо свободный рынок и неприкосновенность частной собственности, либо концлагерь — идеологический и, как следствие, реальный.

Если взглянуть на личность Оруэлла с этой стороны, можно резюмировать: он был и остался фантастом. И в этом смысле «Скотный двор» и «1984» — не совсем антиутопии. Они написаны не циничным мизантропом, разочаровавшимся в обществе и людях, а мечтателем о светлом будущем, несомненно социалистическом.

Социализм Оруэлла тем не менее — это не политическая теория, рвущаяся к «применению на практике», не слепая вера в святость и непогрешимость вождя (Сталина, Гитлера) или партии (ВКП(б), НСДАП). Это этическая система, если

угодно — мечта. Мечта неосуществимая. Оруэлл не мог этого не понимать, но настолько ненавидел угнетение, насилие и несправедливость, которые наблюдал повсюду — от частной английской школы до далеких бирманских джунглей, от жизни лондонских бомжей и парижских клошаров до смерти испанских республиканцев, планомерно истребляемых сталинскими резидентами и их местными подручными, — что вынужден был закрывать глаза на главное препятствие в достижении социальной гармонии: на человеческую природу.

И это один из основных парадоксов его мировоззрения, которое кратко можно обозначить известным с древности латинским выражением: *Dum spiro spero* — Пока дышу, надеюсь.

* * *

При работе над этим изданием просматривались, использовались при цитировании, в ряде случаев сверялись с оригиналом и редактировались переводы А. Зверева, А. Кабалкина, А. Файнгара, А. Шишкина, В. Андреева, В. Бернацкой, В. Воронина, В. Гольшева, В. Домитеевой, В. Мисюченко, В. Недошивина, В. Чаликовой, Г. Злобина, Г. Щербака, Д. Иванова, И. Дорониной, И. Левидовой, Л. Беспаловой, Л. Мотылева, Л. Сумм, М. Дадяна, М. Теракопьян, Н. Витова, Н. Сидемон-Эристава, С. Таска, Ю. Зараховича и др. Однако большая часть цитат переведена для настоящего издания заново. Кроме текстов самого Оруэлла, при составлении книги учитывались также работы, посвященные его жизни и творчеству: В. Чаликовой, Ю. Фельштинского, Г. Чернявского, *Peter Davison* и др.

БЛЭР

Начало

Будущий всемирно известный писатель Джордж Оруэлл родился 25 июня 1903 года в Индии в семье британского колониального чиновника Ричарда Блэра и его жены Айды (Иды) и получил при рождении имя Эрик Артур. В годовалом возрасте был увезен в Англию и в Индию больше не возвращался.

В 1908 году пятилетнего Эрика отдали в небольшую англиканскую приходскую школу в Хенли. Три года спустя, в сентябре 1911-го, его перевели в частную школу Св. Киприана в Истборне в Сассексе — одну из самых успешных подготовительных школ в тогдашней Англии. Лучшие ее выпускники имели возможность поступить в одну из элитарных частных английских школ — Веллингтон или Итон.

После жизни в семье школа-интернат — тяжелое испытание для любого восьмилетнего мальчика, особенно интеллигентного и легко ранимого. Это лучшее место для разрушения или деформации личности ребенка. Ее воздействие на психику и социальные навыки мало чем отличается от армии или тюрьмы. Подобное заведение приучает к раблепии, воспитывает лживость, внушает воспитаннику умение притворяться, не выказывать своих чувств, быть как все.

Русскому читателю знакомы порядки, царившие в подобном рода заведениях. Есть правдивые дореволюционные книги (вспомним хотя бы «Очерки бурсь» Н. Помяловского), есть лукавые советские («Педагогическая поэма» А. Макаренко) — как ни странно, несмотря на все их различия, при некотором навыке чтения сведения из них извлекаются весьма

похожие. И похожи они на прозу Варлама Шаламова о ГУЛАГе, главная мысль которой такова: опыт несвободы — полностью отрицательный опыт, он не нужен человеку в нормальной жизни. К сожалению, наша жизнь редко бывает нормальной.

Пройдут десятилетия — и Оруэлл напишет воспоминания, угнетающая атмосфера которых шокирует не только его бывших преподавателей, но и одноклассников. Впервые опубликованное в журнале *Partisan Review* (США) через два года после смерти писателя¹, в Англии эссе вышло отдельным изданием только в 1968-м²: скандализованный литературный истеблишмент 16 лет сопротивлялся обнародованию описаний — художественных, а оттого еще более убедительных — царивших в английских школах порядков.

В тот единственный раз за все мое детство, когда побои действительно довели меня до слез, я, как ни странно, плакал не из-за боли.

•
*Страх и стыд — хорошее
обезболивающее.*
•

Я плакал отчасти потому, что чувствовал: этого от меня ждут, отчасти из искреннего раскаяния, но также из-за чувства безысходного одиночества и беспомощности, чувства, что ты не просто заперт во враждебном мире, но в мире добра и зла, чьи правила устроены так, что ты фактически не способен их соблюдать.

¹ Причем название школы и все подлинные имена были заменены.

² Но и в этом издании были восстановлены только название школы и имена содержавшей ее супружеской четы; имена одноклассников Эрика Блэра впервые появились только в издании 2000 г.

•
*Грех — не обязательно то,
что ты совершил; это может
быть то, что с тобой случилось.*

•

В ребенке может быть сколько угодно эгоизма и бунтарства, но это не заменит ему опыта, который придал бы ему уверенности в собственных суждениях. Он непостижимым образом верит в знание и силу окружающих его взрослых.

Ребенок принимает кодекс поведения, который ему навязывают, даже когда нарушает его. Лет с восьми осознание греха всегда было при мне. Если я умудрялся казаться толстокожим и дерзким, это было лишь тонкой пленкой над бездной ужаса и стыда.

•

Отрочество — возраст отворачивания.

*После того, как ты это понял,
и до того, как огрубел, — скажем,
между семью и восемнадцатью
годами, — ощущение такое, словно
идешь по канату над выгребной ямой.*

•

Главная черта школьной жизни — непрерывное торжество сильного над слабым. Добродетель заключалась в победе: в том, чтобы быть больше, сильнее, красивее, богаче, популярнее, элегантнее, беспринципнее, чем другие; в том, чтобы доминировать над ними, издеваться над ними, заставлять их страдать от боли, заставлять их выглядеть дураками, всячески брать над ними верх. Жизнь — это иерархия, и все, что творилось, было правильным.

Узнать, что на самом деле чувствует и думает ребенок, почти невозможно. Ребенок, который выглядит вполне счастливым, на самом деле может страдать от ужасов, в которых не может или не хочет признаться.

Он изредка протестует, но чаще его позиция — притворство. Скрывать свои истинные чувства от взрослых он начинает инстинктивно лет с семи-восьми.

Преимущество тринадцати лет в том, что ты можешь жить настоящим моментом с ясным сознанием — предвидеть будущее, но не беспокоиться о нем.

Ребенок думает о старении почти как о дурной болезни, которая ему по какой-то неведомой причине не грозит. Все, кому перевалило за тридцать, — безрадостные гротески, бесконечно суесящиеся из-за ерунды и живущие неизвестно ради чего. Только детская жизнь — настоящая жизнь.

•
*Взрослый, если он не опасен,
почти всегда смешон.*
•

Уберите Бога, латынь, трость, классовые различия и сексуальные табу, но страх, ненависть, снобизм и раздоры никуда не денутся.

В защиту школы Св. Киприана сказать можно не много. Хотя близкий друг, которого Эрик там приобрел, Сирил Коннолли¹, считал, что в описании ужасов Оруэлла изрядно занесло.

¹ *Сирил Коннолли* (1903—1974) — друг Оруэлла, соученик по школе Св. Киприана и Итону, известный английский писатель и литературный критик, редактор (1940—1949) влиятельного журнала «Горизонт», в котором не раз печатался Оруэлл.